

САВЧЕНКО Ирина Александровна — доктор социологических наук, профессор кафедры философии, социологии и теории социальной коммуникации Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (603155, Россия, г. Н. Новгород, ул. Минина, 31а); профессор кафедры психологии и педагогики Нижегородской академии МВД РФ (603144, Россия, г. Н. Новгород, Анкудиновское ш., 3; teosmaco@rambler.ru)

СНЕГИРЕВА Людмила Анатольевна — кандидат психологических наук, доцент; начальник кафедры психологии и педагогики Нижегородской академии МВД России (603144, Россия, г. Н. Новгород, Анкудиновское ш., 3; sla_sq@mail.ru)

УСТИНКИН Сергей Васильевич — доктор исторических наук, профессор, декан факультета международных отношений, экономики и управления, профессор кафедры международных отношений и политологии Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (603155, Россия, г. Н. Новгород, ул. Минина, 31а); директор Приволжского филиала Института социологии РАН (603000, Россия, г. Н. Новгород, пер. Холодный, 4; sv.ustinkin@gmail.com)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В ЭМОЦИОНАЛЬНОМ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ ВОСПРИЯТИИ

Аннотация. В статье проводится анализ отношения российских и зарубежных ученых к феномену исторической памяти. Авторы отмечают, что российская наука и педагогическая практика стимулируют уважение к исторической памяти и ее сохранение, в то время как зарубежная наука настойчиво десакрализирует историческую память.

В статье представлены результаты опросного исследования, где выявляются эмоционально окрашенные оценки, которые дают представители вузовской молодежи событиям военной истории России.

Ключевые слова: военная история, молодежь, историческая память, эмоциональное восприятие, сакрализация/десакрализация

В современном [Горшков, Шереги 2010] и классическом [Журавлев, Меркушин, Фомичев 1989] дискурсе российской социологии восприятие и интерпретация исторических событий неизменно ассоциируется с исторической памятью, историческим сознанием [Тощенко 2000]. Знание истории, устойчивое отношение к определенным событиям рассматриваются как значимая составляющая социализации индивида, формирования личности и гражданской культуры [Рябов, Хаванов 2005; Куракина, Мирончева 2015].

В этом контексте особую актуальность приобретают работы, в которых прослеживается, каким образом социально-политический дискурс влияет на состояние исторической памяти. Значительный интерес в данном случае представляют работы нижегородских ученых [Балабанов, Колобов 1997; Балабанов, Куконков 2007] по общей тематике «Октябрьская революция в сознании учащейся молодежи». Ученые отмечают тенденцию к забыванию и размыванию событий октября 1917 г. и их очевидную десакрализацию в сознании учащейся молодежи.

Следует признать, что в российской социальной науке понятие исторической памяти наиболее часто адресует нас к событиям Великой Отечественной войны. Не случайно в современной прикладной социологии есть достаточно большое число исследований восприятия нашими соотечественниками знаменательных дат Великой Отечественной [Саралиева, Широкалова, Куконков 2015; Устинкин 2017; Саралиева, Балабанов 2005; Кутыкова 2013; Афанасьева, Меркушин 2005]. Социологи устанавливают преимущественно уважительное и даже трепетное отношение молодого поколения к памяти событий 1941–1945, однако констатируют частичный спад интереса к детальным характеристикам Великой

Отечественной войны. Определяется следующая тенденция: в памяти молодого поколения, в отличие от более старших поколений, закреплены главным образом лишь самые значимые даты (начало войны, День Победы, уже в меньшей степени – блокада Ленинграда и Сталинградская битва), известные не столько по школьным учебникам, сколько благодаря телевидению и кинематографу. Подробная хронология ВОВ для многих молодых людей представляет заметную сложность.

Некоторые отечественные авторы, вдохновленные классическими работами в области культурантропологии¹, рассматривают историческую память в контексте состояний культурной идентичности [Савченко 2010; Савченко 2009], а в утрате исторической памяти видят одновременно фактор и индикатор культурной маргинальности [Савченко 2011]. На этом фоне появляются новые работы, цель которых – поиск инструментов противодействия фальсификации истории и защиты исторического сознания народов России [Устинкин, Рудаков 2017].

Практически все российские исследователи, освещающие проблему исторической памяти, настаивают на том, что она – важнейший компонент идентичности: личностной, социальной, культурной, национальной. Оборот «чтобы помнили» стал нарицательным для отечественной науки, публицистики и, что весьма важно, педагогической практики в средней и высшей школе. Историческую память и историческое сознание можно считать магистральным элементом формирующейся национальной идеологии патриотизма.

Такой подход, безусловно, представляется вполне естественным и правильным. Тем не менее знакомство с зарубежными работами по родственной тематике обнаруживает принципиально иные подходы.

В самом общем виде современная западная парадигма исторической памяти отражена в статье Д. Райеффа «Культ памяти: когда от истории зла больше, чем добра». Д. Райефф называет избитой истиной (трузизмом) мнение, что «нам следует помнить прошлое, чтобы уберечься от его повторения», и добавляет, что «бывают времена, когда некоторые вещи лучше забыть». Автор приводит в пример политических и партийных лидеров (например, Марин ле Пен), спекулирующих темой исторической памяти, мифологизирующих великое прошлое отдельной нации. Д. Райефф полагает «культ памяти» главным идеологическим инструментом в руках инициаторов войн и межнациональных конфликтов [Rieff 2016].

В данном случае неизбежна аналогия со знаменитыми сочинениями Б. Андерсона и К. Хюбнера, которые, будучи, безусловно, гораздо менее категоричными, чем Д. Райефф, тем не менее, считают историческую память искусственной и фантазийной [Андерсон 2001] или мифологической величиной [Хюбнер 1996], используемой для формирования «ненастоящих», «воображаемых» сообществ – наций.

Достаточно большое число зарубежных авторов рассматривают «коллективную память» как инструмент культурного и политического манипулирования [Wang 2008; Pennebaker et al. 2013; Sturken 1997; Weedon, Jordan 2012; Zelizer 2008; Memory and Identity.. 1994], сила которого многократно усиливается благодаря медиа [Kitch 2008; Neiger, Meyers, Zandberg 2011; Sturken 2008; Van House, Churchill 2008; Steiner, Zelizer 1995; Reese, Fivush 2008].

Часть зарубежных исследователей склонны рассматривать историческую память как симулякр или химеру. Так, авторы сосредоточивают внимание на описании коллективной памяти как «коллективной лжи» [Memory and Identity.. 1994], которая является таковой уже потому, что лежит за пределами реального индивиду-

¹ По выражению М. Мид, культурная идентичность есть тождественность со своими предками [Мид 1988: 299].

ального человеческого запоминания. Некоторые авторы затрагивают проблему фальсификации и мистификации истории [Loewen 1995: 74-75, 82-83, 85-86].

Сравнительно небольшое число авторов изучают феномен исторической памяти с социально-психологических и культурантропологических позиций, минуя какие-либо критические оценки [Barnier, Sutton 2008; Connerton 2008; The Politics of Memory... 2001; Hoelscher, Alderman 2004].

Некоторые зарубежные авторы делают акцент на методологии коллективной памяти [Research Methods... 2013; Radstone 2008; Roediger, Wertsch 2008] и ее критике [Kansteiner 2002; Radstone 2008].

Так или иначе в подавляющем большинстве работ западноевропейских и американских авторов наблюдается более или менее четко выраженный скептицизм в отношении феномена исторической памяти, который как в науке, так и в целом в западном обществе утратил признаки сакральности.

Анализируя подходы западных авторов, достаточно сложно дать им однозначную оценку. С одной стороны, необходимо признать, что исследователями действительно сделан ряд важных наблюдений и констатаций. Следует признать, что историческая память может подменяться исторической злопамятностью, а сама история может мифологизироваться, вариативно интерпретироваться и в ряде случаев фальсифицироваться. В конце концов, Адольф Гитлер в своей агрессивной политике тоже использовал миф о великом прошлом германской нации. Но если прошлое можно подменить, означает ли это, что нужно отказаться от прошлого и забыть его? Не являются ли и первый, и второй варианты непозволительными крайностями?

Идея К.Г. Юнга о коллективном бессознательном, увы, не подтверждена. И, по всей видимости, воспоминания в масштабе общности (а не отдельного человека) имеют все же социально приобретенную, а не глубинно психологическую природу. И если современные технологии пока не позволяют привить искусственные воспоминания отдельной личности о ее индивидуальном прошлом, то в масштабе социальных групп это вполне возможно с использованием медийных, образовательных и иных культуротворческих инструментов. Но это не аргумент в пользу того, что от исторической памяти нужно отказаться. Если есть плохие врачи и целители-шарлатаны, это не значит, что человеку нужно в принципе игнорировать лечение, когда он болен. Если общественная потребность в коллективной памяти порою становится объектом манипулятивных технологий, это не значит, что от этой потребности нужно каким-то образом избавляться.

Нам было интересно узнать эмоциональную окраску исторической памяти, свойственную современным молодым россиянам. Мы сконцентрировали внимание на значимых датах военной истории России, поскольку именно в военной истории наиболее отчетливо проявляют себя победы и поражения, справедливость и несправедливость, дальновидность и недальновидность людей, принимающих судьбоносные решения [Треушников 2016: 77-80].

В опросном исследовании приняли участие студенты нижегородских вузов: Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, Нижегородской государственной сельскохозяйственной академии, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (филиал в г. Нижнем Новгороде) и курсанты Нижегородской академии МВД России. Общее число респондентов 814 чел. Средний возраст опрошенных – 21 год. Время проведения опроса: ноябрь 2016 – 2017 г.

Респондентам была представлена краткая хронология военной истории России. Для каждой даты предлагалось подобрать одно из 9 эмоциональных состояний (чувств), с которым эта дата ассоциируется: гордость, восхищение, радость, горечь, стыд, возмущение, безразличие, интерес, удивление. Результаты опроса представлены в табл. 1.

Таблица 1

Эмоциональное восприятие студентами и курсантами событий военной истории России¹, %

№ п/п	Даты военной истории России	Чувство, которое вызывает данная дата									
		Горд.	Восх.	Рад.	Горечь	Стыд	Возм.	Безр.	Инт.	Удив.	
1.	1882 г. – поход новгородского князя Олега на Киев. Объединение Киева и Новгорода. Подчинение большинства восточнославянских племен власти киевского князя	25,9	11,2	17,3	0,9	0,3	0,3	19,2	23,6	1,3	
2.	1136 г. – битва у Жданой горы, выход Новгородской республики из состава Киевской Руси	3,8	5,1	6,7	16,9	1,3	8,3	33,5	17,9	6,4	
3.	1223 г., 31 мая – битва на реке Калке. Разгром русских дружин монголами	5,7	2,9	1,6	55	7	6,4	9,3	8,9	3,2	
4.	1240 г. – вгоржение хана Батые на Русь	0,3	0,9	0,9	40,6	3,2	37,7	6,7	7,7	1,9	
5.	1240–1480 гг. – монголо-татарское иго	0,6	1,3	1,6	42,5	9,6	16	12,5	12,8	3,2	
6.	1240г. – шведский правитель ярл Биргер захватывает Новгород	0,6№	1,6	0,9	31	10,5	23,6	16,9	9,3	5,4	
7.	1240 г., 15 июля – Невская битва. Разгром шведов князем Александром Ярославичем	49	15,6	14	0,9	0,6	1,6	7,3	7,3	1,9	
8.	1242 г., 5 апреля – Ледовое побоище. Разгром Александром Невским немецких крестоносцев	58	19,2	10	2,2	0,3	0	3,8	5,4	0,6	
9.	1380 г., 8 сентября – Куликовская битва. Победа русских войск	59	18	13,7	0,3	0,3	0,6	2,9	4,2	0,6	
10.	1477–1478 гг. – Московско-новгородская война; 1478 г. – присоединение Новгорода к Москве	48	15,7	14,7	0,9	0,6	1,6	7,7	7,3	1,9	
11.	1480 г. – «Стояние на реке Угре». Падение монголо-татарского ига	26,5	12,5	33,2	0,3	1,6	0,3	10,9	15,6	1,9	

¹ В таблице использованы сокращения слов, обозначающих эмоции: гордость (горд.); восхищение; (восх.); радость (рад.); возмущение (возм.); безразличие (безр.); интерес (инт.); удивление (удив.).

12.	1485 г. – присоединение Твери к Москве. Введение титула великого князя (Иван III)	9,3	10	27,2	0,9	0,6	0,6	26,8	22,4	2,9
13.	1552 г. – присоединение Казанского ханства к Москве	11,5	8,6	24	0,9	1,3	0,9	28,4	21,4	3,2
14.	1556 г. – присоединение Астраханского ханства к Москве	9,6	7,7	27,2	1,6	2,2	0,9	29,4	19,5	3,8
15.	1558–1583 гг. – Ливонская война на Балтике. Из-за недалековидности Ивана Грозного закончилась поражением и тяжелыми экономическими последствиями для России	1,9	3,5	1,3	38	24,9	14	9,6	7,7	2,2
16.	1610–1612 гг. – оккупация Московского Кремля польско-литовскими интервентами. Разгар русско-польской войны (1609–1618) и кульминация событий Смутного времени (1598–1613)	1,3	49	2,2	36	11,8	12,1	13,1	17,3	3,5
17.	1612 г. – ополчение во главе с Д. Пожарским и К. Мининым освобождает Москву	58,5	16,9	15,3	0,6	0,3	0	3,5	4,2	0,6
18.	1618 г. – Деулинское перемирие (окончание русско-польской войны): к Речи Посполитой (Польша и Литва) отошли Смоленская, Стародубская и Черниговская земли	6,4	5,4	15,3	17,9	5,4	8,6	23,3	17,3	2,9
19.	1695, 1696 гг. – азовские походы Петра I против турок-османов. Взятие крепости Азов	26,5	15,3	19,5	0,3	1,9	0,6	14	19,2	2,2
20.	1700–1721 гг. – Северная война со Швецией, в результате которой Россия становится империей и возвращает земли, утраченные в войне с поляками	51,8	18,5	12,5	1,6	0,3	0,6	4,2	9,3	1,3
21.	1709 г. – Полтавская битва. Разгром русскими шведской армии	41,9	19,5	19,5	0,9	1,6	0	5,7	9,6	1,3
22.	1768–1774 гг. – русско-турецкая война. Начало процесса присоединения к Российской империи Северного Причерноморья, Кубани, Грузии	21,7	12,1	24,6	3,5	0	1,3	14	22,4	0,3
23.	1787–1791 гг. – русско-турецкая война. Победа России. Присоединение Крыма, Тамани	38,7	19,8	23	6	0,3	0,3	5,4	8,3	0,6
24.	1798–1799 гг. – итальянский и швейцарский походы А.В. Суворова, рейд эскадры Ф.Ф. Ушакова. Победы русской армии на рейдах Адде и Трещии, у Нови	35,5	13,7	19,2	1,3	0,6	0,3	12,1	16	1,3

25.	1812 г., 12 июня – начало Отечественной войны. Вторжение войск Наполеона в Россию	1,9	0,9	4,2	35	3,2	31,3	5,1	13,7	3,2
26.	1812, 26 августа – Бородинское сражение	30,7	12,5	4,8	15,6	0,9	3,2	7,0	22,7	2,6
27.	1813–1814 гг. – русская армия освобождает Европу от французского господства	34,8	17,6	22,7	0,9	0,3	1,6	11,5	9,9	0,6
28.	1853–1856 гг. – Крымская война. Коалиция (Британская, Французская, Османская империи) предпринимают усиление России на Балканах, на 15 лет лишают ее Черноморского флота	4,8	4,2	4,5	25,9	6,0	23,6	16,6	13,1	1,3
29.	1877–1878 гг. – русско-турецкая война. Вызвана стремлением России защитить православное население Османской империи. Закончилась взаимными уступками сторон	7,0	7,0	45,1	3,8	5,7	3,5	25,9	22,3	8,3
30.	1904–1905 гг. – русско-японская война, чьи итоги не удовлетворяли ни Россию, ни Японию	2,9	0,6	1,3	15,3	9,9	17,3	27,8	16,9	9,6
31.	1905 г., 14–15 мая – Цусимское сражение, в котором российская 2-я эскадра флота Тихого океана потерпела сокрушительное поражение от императорского флота Японии	1,3	0,3	2,6	43,4	17,6	6,4	14,7	8,3	5,4
32.	1914 г., 1 августа – вступление России в Первую мировую войну на стороне Антанты (Британия, Франция, Россия) против Тройственного союза (Германия, Австро-Венгрия, Италия)	7,0	4,2	7,0	21,7	2,9	8,9	9,6	32,6	5,7
33.	1918 г., 3 марта – Брестский мирный договор с Германией, по которому Советская Россия вышла из Первой мировой войны, понесла территориальные потери, потеряла Черноморский флот	3,5	1,3	5,1	37,0	18,2	14	7,3	9,3	4,2
34.	1939–1940 гг. – советско-финская война (причина – стремление СССР обезопасить северо-запад страны). Победа СССР. Территориальные потери Финляндии	22,4	9,9	24,9	6,4	5,4	1,3	8,3	18,5	1,9
35.	1939 г., 1 сентября – начало Второй мировой войны	2,2	0,3	1,3	64,5	2,2	13,4	5,1	9,3	0,9
36.	1941 г., 22 июня – начало Великой Отечественной войны	5,4	1,9	2,6	61	46,0	12,1	3,5	10,5	1,3
37.	1945 г., 8 мая – капитуляция фашистской Германии	30	7,7	29,7	9,6	1,3	2,2	5,4	10,5	1,3

38.	1945 г., 9 августа – 2 сентября – советско-японская война	5,1	4,2	5,1	27,8	3,2	9,3	16,9	24,9	2,9
39.	1962 г., октябрь – Карибский кризис, выразившийся в остром противостоянии СССР и США, чреватом ядерной катастрофой. Мирное решение вопроса при взаимных уступках сторон	1,6	1,6	15,3	17,6	7,3	13,7	14	21,7	5,7
40.	1979 г., декабрь – ввод советских войск в Афганистан	2,9	3,8	4,1	32,9	3,8	13,7	16,6	18,8	3,2
41	1988 г. – вывод советских войск из Афганистана	4,8	1,6	38,0	8,3	3,8	4,8	16,9	18,5	3,8
42.	1991–1996 гг. – Первая чеченская война, итогом которой стали огромные потери среди федеральных сил и мирного населения. 1996 г. – подписание 38 невыгодных для России хасавюртовских соглашений и вывод российских войск из Чечни, фактическая независимость Чечни	0,6	1,3	3,2	45,0	11,2	13,4	12,1	10,2	2,9
43.	1999 г., 7 августа – вторжение чеченских боевиков в Дагестан	0,9	1,6	2,2	35,5	3,2	20,8	23,3	9,6	2,9
44.	1999–2000 гг. – активная фаза второй Чеченской кампании, закончившаяся (к 2009 г.) восстановлением конституционного порядка в республике	2,9	3,8	28	8,9	1,6	5,7	25,6	18,2	5,1
45.	1999 г., апрель – президент Б. Н. Ельцин блокирует решение Госдумы о военной помощи (советники и снаряжение) Югославии, подвергавшейся в тот период бомбардировкам НАТО	1,6	2,2	5,1	9,9	16,3	16,3	24,9	16,6	7
46.	2008 г., 8–16 августа – в ответ на вторжение Грузии в Южную Осетию Россия начинает военную операцию, итогом которой является освобождение Южной Осетии и предотвращение вторжения Грузии в Абхазию	21,1	17,3	19,5	6,0	2,9	4,2	11,8	15,3	1,9
47.	2015 г., май – в Вооруженные силы РФ поступают первые новобранцы из Крыма, воссоединившегося с Россией в 2014 г.	19,8	8,9	29,4	2,2	1,3	5,1	16,9	15,3	0,9
48.	2015 г., 30 сентября – Воздушно-космические силы России начинают операцию по оказанию помощи правительству Сирии в борьбе с террористическими группировками	36,0	14,0	14,4	3,5	3,8	7,0	8,6	10,9	1,6

Предоставляя читателю возможность самостоятельно сделать выводы на основании результатов опроса, не будем углубляться в их подробный анализ. Изложим лишь некоторые наблюдения. В целом реакцию молодых людей на события отечественной военной истории можно считать адекватной и заключить, что молодым людям свойственен преимущественно патриотический настрой: большинство гордятся победами и «испытывают горечь поражений», восхищаются героизмом, радуются событиям, значимым и полезным для Отечества. Стыдится своей истории меньшинство, несмотря на то что в ней были и печальные моменты. Это, на наш взгляд, хороший маркер эмоционального фона в молодежной среде: люди не отделяют себя от истории своей страны, не стремятся от нее дистанцироваться.

До получения результатов опроса мы полагали, что такая эмоция, как безразличие, будет широко представлена в ответах молодых людей. Ведь о безразличии молодежи к историческому наследию, «равнодушии к общенациональным образам» настойчиво говорят современные исследователи [Отургашева 2016]. Поэтому можно сказать, что результаты опроса оказались лучше ожидаемых. Вполне возможно, усиление роли патриотического воспитания в учебных заведениях, особенно в средней школе, дает свои позитивные плоды. И все же мы не можем не обратить внимание на то, что примерно треть опрошенных равнодушны к значимым событиям, сопровождавшим создание единого Русского государства (пп. 12-14 табл.); около четверти – безразличны к событиям, которые для нашей страны имели неоднозначные по ряду параметров, драматичные эффекты (пп. 2, 18, 31, 32). Безразличное отношение респондентов к событиям конца 1990-х гг. (пп. 43-45), по всей вероятности, свидетельствует, что эти события недостаточно глубоко освещались в рамках школьной программы.

Мы не обнаружили прямой взаимосвязи между эмоциональным восприятием событий, скажем, тысячелетней и столетней давности. Например, судя по ответам, респонденты не вполне представляют себе события Карибского кризиса, военных действий между Россией и Японией в конце Второй мировой войны, Русско-японской или Русско-турецкой войн, однако эмоционально готовы к восприятию эпизодов истории Киевской или Петровской Руси. Можно предположить, что в данном случае мы наблюдаем некое неравновесие во времени, отводимом на уроках истории на изучение тех или иных тем.

Исключение составляют лишь события совсем недавнего прошлого. Например, гордость, которую молодые люди испытывают в связи с началом операции по оказанию помощи правительству Сирии в борьбе с террористическими группировками (2015 г.), в количественном выражении оказалась большей (36%), нежели гордость за победу в Великой Отечественной войне (30%). Однако при внимательном рассмотрении такие результаты становятся более понятными: Великая победа вызывает также радость примерно у 30% респондентов, в то время как операция в Сирии вызывает радость у 14,4% (у 14% – восхищение, у 11% – интерес, и только у 8,6% – безразличие).

Результаты опроса в целом внушают оптимизм. Они отражают общий позитивный контрдепрессивный настрой основной части молодежи при некоторой очевидной неосведомленности и недостаточной эрудированности в определенных вопросах, касающихся отечественной истории. Именно на эти вопросы, на наш взгляд, следует обратить внимание педагогам, преподающим отечественную историю в школе. А в вузах, по нашему убеждению, данный предмет должен изучаться гораздо более глубоко и основательно, нежели это делается в настоящее время.

Западная стратегия «забывания» уже, увы, дает свои плоды. Европа «не учит историю», а на смену западному миру в лице многочисленных мигрантов приходят люди, у которых история их «новых отечеств» не вызывает эмоций и ассоциаций. Это прошлое, и не их прошлое.

Общество сильно своей молодежью и одновременно памятью о прошлом. Никола Тесла, большую часть жизни проживший в США, но, увы, забытый при жизни и в преклонном возрасте сводивший концы с концами благодаря почетной пенсии правительства Югославии, в октябре 1941 г. писал в нью-йоркской газете: «Советский Союз, несомненно, сможет собрать такую несокрушимую силу, какой нет во всем мире, и эта сила – молодежь советских народов. Нигде нет такой молодежи, какой является молодежь русская» [Максимов 2016].

Может быть, стоит задуматься, почему нигде, кроме России, «нет такой молодежи»? Может быть, потому, что, несмотря на все потрясения последнего столетия, молодые люди не становятся маргиналами, а несут в себе, сознательно или неосознанно, историческую силу ушедших поколений?

Перефразируя В. Франкла, можно считать «специфически человеческим проявлением не только ставить вопрос о смысле» исторической памяти, но и «ставить под вопрос существование этого смысла» [Франкл 2015: 36]¹. Поэтому смыслодержательным является не «запоминание дат», а формирование определенного к ним отношения. При этом что-то малосущественное, безусловно, забывается...

Очевидно, воспоминание является экзистенциальной потребностью как индивида, так и социальной общности. Такой же экзистенциальной потребностью, как поиск и обретение смысла жизни

Выражаем искреннюю благодарность за помощь в проведении исследования доктору социологических наук, профессору, заведующей кафедрой философии, социологии и политологии Нижегородской государственной сельскохозяйственной академии Г.С. Широкаловой.

Список литературы

- Андерсон Б. 2001. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле. 288 с.
- Афанасьева Л.И., Меркушин В.И. 2005. Великая Отечественная война в исторической памяти россиян. – *Социс. Социологические исследования*. № 5. С. 11-22.
- Балабанов С.С., Колобов О.А. 1997. История Октября глазами учащейся молодежи. – *Социс. Социологические исследования*. № 11. С. 42-47.
- Балабанов С.С., Куконков П.И. 2007. Октябрь 1917 в сознании учащейся молодежи. – *Социс. Социологические исследования*. № 8. С. 71-77.
- Горшков М.К., Шереги Ф.Э. 2010. Историческое сознание молодежи. – *Вестник РАН*. № 80(3). С. 195-203.
- Журавлев Г.Т., Меркушин В.И., Фомичев Ю.К. 1989. Историческое сознание: опыт социологического исследования. – *Вопросы истории*. № 6. С. 118-129.
- Куракина Л.М., Мирончева Е.А. 2015. Российские политические лидеры в восприятии современного студенчества (по материалам региональных исследований). – *Фундаментальные исследования*. № 2(23). С. 5245-5252.
- Кутыкова И.В. 2013. История отечества в сознании учащейся молодежи: итоги постсоветского двадцатилетия. – *Историческая психология и социология истории*. № 2. С. 95-106.
- Максимов А. 2016. *Никола Тесла. Пацифист, приручивший молнию*. М.: Вече; ЛКИ. 216 с.
- Мид М. 1988. *Культура и мир детства*. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». 429 с.

¹ В оригинале: «Я считаю специфически человеческим проявлением не только ставить вопрос о смысле жизни, но и ставить под вопрос существование этого смысла».

Отургашева Н.В. 2016. Персоносфера российского студенчества: опыт лингвокультурологического анализа. — *Русский язык и русская литература как фактор культурной интеграции русского мира*: сборник материалов международной научно-практической конференции. Красноярск. Сибирский федеральный ун-т. Доступ: <http://conf.sfu-kras.ru/922/participant/15089> (проверено 24.09.2017).

Рябов В.В., Хаванов Е.И. 2005. *Студенчество на рубеже веков: историческое сознание и гражданское становление*. М.: Жизнь и мысль; Московские учебники. 176 с.

Савченко И.А. 2009. Трансформации культурной идентичности в мультикультурном сообществе. — *Личность. Культура. Общество*. Т. 11. Вып. 3(50). С. 430-439.

Савченко И.А. 2010. Лингвоидентичность и социокультурные условия развития этнообщиностей. — *Вестник Ленинградского государственного университета*. № 2. С. 281-296.

Савченко И.А. 2011. Культурная идентичность как индикатор маргинальных тенденций. — *Известия Уральского государственного университета*. Сер. 2. Гуманитарные науки. № 2(90). С. 209-222.

Саралиева З.Х., Балабанов С.С. 2005. Отечественная война в памяти трех поколений. — *Социс. Социологические исследования*. № 11. С. 29-36.

Саралиева З.Х., Широкалова Г.С., Кузонков П.И. 2015. *Учащиеся о Великой Отечественной войне*. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ. 49 с.

Тощенко Ж.Т. 2000. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния. — *Новая и новейшая история*. № 4. С. 3-14.

Треушников И.А. 2016. Смысл войны (диалог представителей философии всеединства периода первой мировой войны). — *Соловьевские исследования*. № 49. С. 76-84.

Устинкин С.В. 2017. Великая Отечественная война в восприятии молодежи России. — *Обозреватель — Observer*. № 6 (329). С. 100-107.

Устинкин С.В., Рудаков А.В. 2017. О подходах к формированию системы мер по противодействию фальсификации истории и защите исторического сознания народов России. — *Власть*. № 7. Т. 25. С. 113-119.

Франкл В. 2015. *Человек в поисках смысла*. М.: Книга по Требованию. 366 с.

Хьюбнер К. 1996. *Истина мифа*. М.: Республика. 448 с.

Barnier A., Sutton J. 2008. From Individual to Collective Memory: Theoretical and Empirical Perspectives. — *Memory*. Vol. 16. No. 3. P. 177-182.

Connerton P. 2008. Seven Types of Forgetting. — *Memory Studies*. Vol. 1. No. 1. P. 59-71.

Hoelscher S., Alderman D. 2004. Memory and Place: Geographies of a Critical Relationship. — *Social & Cultural Geography*. Vol. 5. No. 3. P. 347-355.

Kansteiner W. 2002. Finding Meaning in Memory: A Methodological Critique of Collective Memory Studies. — *History and Theory*. Vol. 41. No. 2. May 2002. P. 179-197.

Kitch C. 2008. Placing Journalism inside Memory — and Memory Studies. — *Memory Studies*. Vol. 1. No. 3. P. 311-320.

Loewen J.W. 1995. *Lies My Teacher Told Me: Everything Your American History Textbook Got Wrong*. N.Y.: The New Press. 184 p.

«*Memory and Identity: The History of a Relationship*» in *Commemorations* (ed. by John Gillis). 1994. Princeton: Princeton University Press. 281 p.

Neiger M., Meyers O., Zandberg E. 2011. On Media Memory: Collective Memory in a Memory to the Historical Sociology of Mnemonic Practices. — *Annual Review of Sociology*. P. 105-140.

Pennebaker J.W., Paez D., Rimé B., Dario Paez D. 2013. *Collective Memory of Political Events: Social Psychological Perspectives*. L.: Psychology Press. 264 p.

- Radstone S. 2008. Memory Studies: For and against. — *Memory Studies*. Vol. 1. No. 1. P. 31-39.
- Reese E., Fivush R. 2008. The Development of Collective Remembering — Reese New Media Age. — *Memory*. Vol. 16. No. 3. P. 201-212.
- Research Methods for Memory Studies* (ed. by E. Keightley, M. Pickering). 2013. Edinburgh University Press. 114 p.
- Rieff D. 2016. The Cult of Memory: When History Does More Harm Than Good. — *The Guardian*. 2 March URL: <https://www.theguardian.com/education/2016/mar/02/cult-of-memory-when-history-does-more-harm-than-good>
- Roediger H.L., Wertsch J.V. 2008. Creating a New Discipline of Memory Studies. — *Memory Studies*. Vol. 1. No. 1. P. 9-22.
- Steiner L., Zelizer B. 1995. Competing Memories: Reading the Past against the Grain: The Shape of Memory Studies. — *Critical Studies in Mass Communication*. Vol. 12. No. 2. P. 214-39.
- Sturken M. 1997. *Tangled Memories: The Vietnam War, The Aids Epidemic and the Politics of Remembering*. Berkeley: University of California Press. 99 p.
- Sturken M. 2008. Memory, Consumerism and Media: Reflections on the Emergence of the Field. — *Memory Studies*. Vol. 1. No. 1. P. 73-78.
- The Politics of Memory: Transitional Justice in Democratizing Societies* (ed. by de A.B. Brito, C.G. Gonzalez-Enriquez, P. Aguilar). 2001. Oxford University Press. 96 p.
- Van House N., Churchill E.F. 2008. Technologies of Memory: Key Issues and Critical Perspectives. — *Memory Studies*. Vol. 1. No. 3. P. 295-310.
- Wang Q. 2008. On the Cultural Constitution of Collective Memory. — *Memory*. Vol. 16. No. 3. P. 305-317.
- Weedon C., Jordan G. 2012. Collective Memory: Theory and Politics. — *Social Semiotics*. Vol. 22. No. 2. P. 143-153.
- Zelizer B. 2008. Why Memory's Work on Journalism Does Not Reflect Journalism's Work on Memory. — *Memory Studies*. Vol. 1. No. 1. P. 79-87.

SAVCHENKO Irina Aleksandrovna, *Dr.Sci. (Soc.)*, Professor of the Chair of Philosophy, Sociology and the Theory of Social Communication, Dobroljubov State Linguistics University of Nizhny Novgorod (31a Minina St, Nizhny Novgorod, Russia, 603155); Professor of the Chair of Psychology and Pedagogics, Nizhny Novgorod Academy of Ministry of Internal Affairs of Russia (3 Ankudinovskoye Dr, Nizhny Novgorod, Russia, 603144; teosmaco@rambler.ru)

SNEGIREVA Lyudmila Anatol'evna, *Cand.Sci. (Psych.)*, Associate Professor; Chief of the Chair of Psychology and Pedagogics, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia (3 Ankudinovskoye Dr, Nizhny Novgorod, Russia, 603950; sla_sq@mail.ru)

USTINKIN Sergei Vasil'evich, *Dr.Sci. (Hist.)*, Dean of the Faculty of International Relations, Economy and Management, Professor of the Chair of International Relations and Political Science, Dobroljubov State Linguistics University of Nizhny Novgorod (31a Minina St, Nizhny Novgorod, Russia, 603155); Director of Volga branch of Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences (4 Holodny Lane, Nizhny Novgorod, Russia, 603000; sv.ustinkin@gmail.com)

HISTORICAL MEMORY IN EMOTIONAL AND SCIENTIFIC PERCEPTION

Abstract. The authors analyze relation of Russian and foreign scientists to the phenomenon of historical memory. The article shows that the Russian science and student teaching stimulate respect and maintaining historical memory while the foreign science persistently discredits sanctity of historical memory.

The polling research results, which reveal an emotionally charged assessment given by representatives of high school youth to events of Russia's military history, are presented.

Keywords: military history, youth, historical memory, emotional perception, sacralization/desacralization